

ВЛАДИСЛАВ КРАПИВИН

ТРОЕ С
ПЛОЩАДИ
КАРРОНАД

Владислав Петрович Крапивин

Трое с площади Карронад

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=153933

Крапивин В. Трое с площади Карронад: Пушкинская библиотека, АСТ;

М.; 2004

ISBN 5-94643-152-8, 5-17-025902-6

Аннотация

Владислав Крапивин – известный писатель, автор замечательных книг «Оруженосец Кашка», «Мальчик со шпагой», «Мушкетер и фея», «Стража Лопухастых островов», «Колесо Перепёлкина» и многих других.

В этой повести рассказывается о мальчишке, который всю жизнь мечтал попасть к морю. И, наконец, его мечта сбылась – он оказался в городе, где все связано с флотом.

Содержание

Часть первая	4
Урок математики	4
Наездник	24
Бриг «Меркурий»	31
Анюта	45
Бабушка Вера Анатольевна	60
Боль	69
Гремучая ртуть	78
Конец ознакомительного фрагмента.	81

Владислав Крапивин

Трое с площади Карронад

Часть первая

НОВЭМБЭР ЧАРЛИ

Урок математики

Здание было старинное. В давние времена, лет сто назад, в нём устроили гимназию, а ещё раньше, до Первой обороны, здесь размещались классы морских юнкеров. Говорят, в этом доме не раз бывали знаменитые адмиралы парусного флота – те, кто похоронен сейчас в белом храме на горе, высоко над синими бухтами.

От французских и английских ядер здание почти не пострадало. Чудом уцелело оно и во время последней войны. Теперь в этом длинном двухэтажном доме находилась обыкновенная школа номер двадцать. Общеобразовательная, средняя, с преподаванием ряда предметов на английском языке. Проще говоря, «с английским уклоном».

С тыльной стороны к школе пристроили спортивный зал и крыло для малышей продлёнки, а классы и кабинеты по-

мещались в старом корпусе.

Окна были узкие и очень высокие, прорезанные в могучих стенах из посеребренного инкерманского камня. Перед окнами росли громадные акации. В самый знойный полдень в классе стоял мягкий зеленоватый свет и было прохладно.

...За окнами забренчал звонок. Славка удивился: неужели конец урока? Но ни один человек не поднял головы от тетради. Значит, просто недалеко от школы проехала машина для сборки мусора. Они ездят медленно и водитель на ходу звенит колокольчиком. Здешние ребята умеют отличать колокольчик от школьного звонка. А Славка ещё не научился...

Славка улыбнулся, отодвинул тетрадь и стал смотреть на окна. В крайних были только деревья, и между листьями ярко синели клочки неба. В среднем окне видна была часть школьного двора и белая изгородь с решетчатым каменным забором. Её узор напоминал поставленные в ряд штурвалы.

За «штурвалами» виднелись крыши ближних улиц – школа стояла на взгорье. Крыши были под оранжевой ребристой черепицей. Раньше Славка видел такие лишь на картинках и в кино. Между крышами торчали узкие острые тополя. Они назывались «пирамидальные», но походили не на пирамиды. На зелёные копыа они походили.

Дальше было видно только небо. Но Славка знал, что за крышами и тополями лежит море.

От того, что море совсем близко, Славку ни на миг не по-

кидала спокойная прочная радость.

Он познакомился с морем не так, как ожидал... В самолёте Славку укачало, и в конце рейса он уже не поднимал голову с подлокотника кресла. И чего греха таить, несколько раз даже сунулся носом в плотный бумажный пакет, который по маминой просьбе торопливо принесла стюардесса. Когда через динамик объявили, что самолёт идёт над «самым синим в мире» Чёрным морем, Славка не смог даже привстать, чтобы глянуть в иллюминатор.

Мама сказала укоризненно и жалобно:

– Что же ты? А ещё в моряки собрался.

Славка в ответ еле шевельнул спиной. Мама сама не понимала, что говорила. Качки Славка не боялся. А самолёт и не качало, он шёл, как автобус по бетонке, но всё равно желудок наливался муторной тяжестью, и сердце словно повисало в пустоте.

Из самолёта Славка вышел на ватных ногах и с каплями на лбу. Пахло нагретым бетоном от рулёжной дорожки, остывающим металлом от самолёта и незнакомыми травами откуда-то издалека – от вечернего горизонта.

Земля качнулась под Славкой, но он улыбнулся.

«Пусть, – подумал он. – Ничего...»

Эта земля была не виновата, не она измотала Славку. Измотал самолёт, а он был частью прежней жизни, частью города, из которого Славка прилетел. Там могло быть плохо, а здесь уже не могло...

Ехать надо было ещё километров семьдесят, и мама боялась. Думала, что в машине Славку совсем укачает. Но пока получали багаж, пока мама искала такси, Славка почти пришёл в себя.

Когда подъезжали, было совсем темно. Города Славка не увидел. Он увидел только несметное множество огней – и очень ярких, и не очень, и еле заметных. Они горели и внизу и вверху, потому что улицы взбегали высоко по склонам. В небе огни смешивались со звёздами, а внизу вытягивались в дрожащие золотые нитки. Славка понял, что огни отражаются в чёрной воде. Среди отражений тоже горели огни: белые, зелёные, красные.

– Это корабли! – догадался Славка. – Мама, там корабли!

Было похоже на сон. Голова слегка гудела от долгой дороги, вырвался в кабину и шумел в ушах тёплый ветер, стремительно шуршали колёса. А огни наплывали – снизу, сверху. Отовсюду...

– Мама, это же корабли, да?

Мама погладила его по плечу.

– Большой рейд, – сказал водитель. – Флот стоит...

Они долго ездили по узким улицам с неяркими фонарями, искали переулок с названием Якорный спуск. Машина выла на крутых подъёмах. Славку опять слегка замутило. Мама нервничала. Ей казалось, что водитель спешит и сердится. Но шофёр сделал всё, как надо: отыскал нужный дом, подъехал к самой калитке, вытащил из багажника чемоданы и ска-

зал:

– С прибытием вас. Всего вам хорошего...

Бабушка Вера Анатольевна оказалась высокой старухой с морщинистым коричневым лицом. Она неторопливо и крепко обняла маму, и они поцеловались. Потом она протянула к Славке ладонь, словно хотела по голове его погладить, но не дотронулась. Пожевала впалыми губами и тихо сказала:

– Вот ты какой, Славушка. Большой...

Морщины у неё слегка разошлись. При яркой лампочке Славка увидел, что лицо у Веры Анатольевны покрыто мелкой белой сеткой: это кожа в глубине морщинок была незагорелая...

Потом Вера Анатольевна кормила маму и Славку ужином: голубцами, виноградом, арбузом. Мама всё благодарила и боялась, что у Славки заболит живот. А ещё они с Верой Анатольевной о чём-то говорили вполголоса... Славка не слушал, он думал о своём.

– Вера Анатольевна, а море далеко?

Бабушка замолчала, будто удивилась.

– Море? Тут везде, Славушка, море... Вот спустишься до гостиницы, потом направо, а там и набережная.

– Мама... – умоляюще сказал Славка.

Мама рассердилась. Потому что Славка сумасшедший! Он едва держится на ногах (мама, кстати, тоже). Идти неизвестно куда среди ночи!.. Море никуда не денется!

– Ну, ма-ма... – отчаянным шёпотом сказал Славка.

Мама виновато посмотрела на Веру Анатольевну...

На улице, так же как на аэродроме, пахло незнакомыми травами, а ещё почему-то – свежим тёплым хлебом. Горели редкие фонари, светились окна. Тени от листьев падали на белые заборы и домики. Они были похожи на мягкие серые крылья, эти тени.

Кто-то весело, не по-ночному, трещал в траве: то ли сверчки, то ли цикады.

«Какой ты хороший, Город», – одними губами сказал Славка. И вдруг его толкнуло: он-то всё видит и слышит, а бедный Артёмка...

Славка кинулся во двор, влетел в комнату, слегка напугав бабушку Веру Анатольевну. Выволок из-за чемоданов портфель, а из портфеля выдернул за уши Артёмку. Тот обалдело косил блестящими глазами. Славка бегом вернулся к маме. Артёмка радостно махал растопыренными лапами.

– Боже мой, какой ты ещё ребёнок, – сказала мама...

Набережная в самом деле была недалеко. Славка не сразу понял, что это набережная. Были деревья с фонарями (листья на свету казались очень зелёными), потом под ногами вместо асфальта появились мокрые каменные плиты, и вдруг Славка увидел, что он на краю земли.

Дальше ничего не было. Громадная темнота была дальше. Начинаясь она в двух шагах и уходила неизвестно куда. Эго распахнулся космос. Он дышал йодисто-солёной свежестью, словно в темноте развесили громадные чёрные про-

стыни, выстиранные в холодном рассоле.

Из этой темноты и прохлады подкралось что-то смутно-белое, шипучее, и – бах! – перед Славкой встала стена из брызг. Они секунду висели неподвижно, а потом посыпались на Славку, на маму.

Мама по-девчоночьи взвизгнула и отскочила. А Славка засмеялся:

– Мама, это прибой!

– Отойди, Славка, вымокнешь!

– Это же прибой! Мама, он солёный!

Бах! – опять выросла белая стена. А когда рассыпалась и упала, Славка увидел, что космос не пустой. В нём жили огоньки. Яркий красный огонёк – прямо перед Славкой – давал тройную вспышку и угасал на несколько секунд. Конечно, это был маяк. А левее маяка, теряясь во мраке, тоже мигали белые и красные огоньки, каждый по-своему: одни редко, другие часто.

Справа от маяка вклинивалась в морскую тьму полоса огней. Наверно, там был мыс или другой берег бухты. Вдруг часть берега оторвалась и, сверкая огнями, тихо пошла влево, к маяку. Целый кусок суши со множеством окон и фонарей!

Славка не сразу понял, что случилось. Но потом услышал далёкую музыку и догадался, что это уходит в море пассажирский лайнер.

Теплоход шёл вроде бы не быстро, но почему-то очень

скоро стал уменьшаться, тускнеть и превратился в еле заметное светящееся облачко.

Ослепительной звездой вспыхнул в дальней дали прожектор, махнул синим лучом и погас...

– Славка, ты же промок насквозь!

И правда, рубашка прилипла к плечам и груди. Брюки набухли, стали жёсткие и тяжёлые, будто из жести. Артёмка тоже был весь мокрый, только длинные уши, зажатые в Славкином кулаке, оставались сухими.

– Славка, ты меня слышишь? Пора.

– Ещё самую минуточку...

Через полчаса, засыпая на скрипучем диване, Славка успел подумать: «Лишь бы это был не сон!» С таким страхом он и уснул.

...Это не было сном. Утром он увидел море во всей его синеве и громадности. И Город...

Славка зажмурился и задохнулся. Потом захохотал и, забыв про маму, кинулся вниз по улице, по тропинкам, по каменистому откосу, через сухие колючки, которые обрадованно вцепились в брюки...

С моря летел тёплый ветер. На мачтах и сигнальных вышках бились и трепетали разноцветные флаги.

– Семибратов, голубчик мой, ты почему не решаешь? – Грузный и седой учитель математики навис над Славкой.

Славка поспешно встал.

– Я решил. Яков Павлыч...

– Когда же ты решил? Покажи-ка... Дорогой мой, где же здесь решение? Ты – просто ответы написал!

– Разве неправильно? – удивился Славка.

– Ответы правильные, но объяснения-то нет. Почему у тебя x равен пяти, а, скажем, не семи или не тысяче?

Славка неловко улыбнулся и пожал плечами:

– Как же тысяче? Если пяти.

– Да! Но почему? Может быть, ты просто списал ответ?

– Он не списывал, Яков Павлыч, он раньше всех закончил, – тут же заступился Славкин сосед, маленький Женя Аверкин. – Остальные-то ещё и не решили.

– Да я понимаю, голубчики, я это, так сказать, чисто теоретически предположил. Но что мне ставить Семибратову? Пятёрку за молниеносное решение или двойку за отсутствие такового?

Пятый «А» зашумел, доказывая, что, ставить, разумеется, следует пятёрку. Даже ехидная Любка Потапенко высказалась за это. Видимо, по инерции.

– Тогда напиши всё-таки объяснение, – рассудил Яков Павлович. – Или вот что... Реши-ка лучше, любезный Семибратов, ещё задачку. Вот эту...

Он положил на парту четвертушку листа с уравнением.

Славка несколько секунд смотрел на бумажку.

– Надо объяснение писать? Или можно сразу?

– М-да... – сказал Яков Павлович задумчиво, но с интересом. – Следовательно, ты утверждаешь, что данное урав-

нение для тебя – дважды – два?

Славка этого не утверждал. Он вовсе не хотел показаться хвастуном. Но он видел, что x равен двенадцати, а если видишь, зачем лишние слова?

– А ну-ка напиши ответ, – сказал Яков Павлович. – Садись и напиши... Так... А теперь всё же сооруди мне решение по правилам, постарайся. Я тебя прошу...

Над объяснением Славка вздыхал минут десять. Не напишешь ведь, что x похож на жёлтый шарик и что этот шарик мечется туда-сюда по лиловой плоскости, ищет, где темнее, а деваться ему всё равно некуда. Всё-таки Славка разжевал уравнение, как требовали правила. Яков Павлович посмотрел, покачал головой. Спросил:

– В прошлые годы у тебя как было с математикой? Славка опять встал. – По-всякому... Двоек не было.

– Угу... Троек тоже не было. Почти... – заметил Яков Павлович. – Так?

Славка кивнул. «Не подумали бы, что хвастаюсь», – опять мелькнула мысль.

– А четвёрки если и были, то за плохой почерк и неряшливость, – заметил Яков Павлович. – Или я не угадал?

Славка вздохнул. Всё было угадано точно.

– Однако математику ты не очень любишь, – сказал Яков Павлович.

– А любишь ты... что?

– Географию и английский... – шёпотом сказал Славка.

– Ну, садись... Садись, голубчик Семибратов.

Яков Павлович вздохнул почему-то, подошёл к столу, придвинул журнал.

Галка Ракитина глянула с передней парты, что там появилось в журнале, и показала пятерню. Славка сел и улыбнулся. В этой школе он получил первую отметку.

...Школа понравилась Славке с первого взгляда.

Она стояла на стыке двух зелёных улиц. Угол у здания был как бы срезан, и срез этот служил фасадом. Фасад – узкий, с зубчатыми башенками, с высоким крыльцом и чугунным узорчатым балконом.

Перед крыльцом лежала маленькая площадь. Справа, от нижних улиц, к площади взбегали две лестницы со ступенями из ракушечника. Наверно, здорово мчатся по этим лестницам, когда кончились уроки!

Над лестницами росли большие деревья... Сначала Славка пришёл сюда с мамой. С утра мама сходила к директору и записала Славку, а потом повела его знакомиться со школой и классной руководительницей.

Учительницу, Светлану Валерьяновну, они нашли во дворе. Там она с молоденькой вожатой и похожим на д'Артаньяна преподавателем физкультуры обсуждала дистанцию для какой-то эстафеты.

Мама строгим взглядом напомнила Славке, что следует поздороваться: не себе под нос, а отчётливо и с наклоном головы, как полагается интеллигентному мальчику одина-

дцати с половиной лет.

Славка так и сделал, хотя Светлана Валерьяновна сперва ему не понравилась. Она была высокая, тощая и длинноногая. С не очень строгим, но каким-то скучным лицом. Но когда она улыбнулась, Славка успокоился: хорошая была улыбка, совсем даже не учительская.

У мамы с классной руководительницей завёлся разговор, и Славка сразу заскучал. Отошёл тихонько к забору и сел на каменный выступ. Мама, конечно, говорила, что Славка – мальчик, в общем, неплохой, спокойный и даже ласковый, хотя, разумелся, бывает всякое. А сама она, Славкина мама, по специальности тоже педагог, окончила факультет иностранных языков, но из-за слабого голоса работать в школе не смогла. И что, видимо, это к лучшему, потому что для работы с детьми нужен особый талант. И она преклоняется перед теми, кто посвятил детям всю жизнь.

Светлана Валерьяновна кивала: да, учительская работа, конечно, не сахар. Иногда просто бежать из школы хочется на все четыре стороны, но куда побежишь? Славкиной маме хорошо, а куда денешься, если специальность – историк? Да и, по правде говоря, привыкла уже, трудно без ребят...

– Вот они, мои гвардейцы! Отучились...

Во двор выбегали будущие Славкины одноклассники. Издалека – ничего ребята, а если поближе – кто их знает?

Девчонки были в обычной коричневой форме, а мальчишки в разных рубашках: белых, светло-голубых, васильковых,

синих. Брюки тоже разные, а кое-кто в шортиках.

«Прийти бы так на уроки в Усть-Каменске!» – подумал Славка.

В начале четвёртого класса тёплым сентябрьским днём отправила мама Славку в школу в летней пионерской форме, и многие тогда смотрели на него, как на заморское чудо. А Юрка Зырянов и компания гоготали: «У моряка акулы штаны обгрызли...» Завуч Ангелина Самойловна сперва наорала на Зырянова, а потом сказала Славке: «Сам виноват. Надо быть как все, а не выпендриваться...»

Но хватит об этом! Не будет больше ни Усть-Каменска, ни горластой Ангелины, ни криков «моряк с печки бряк...»

Длинноногий очкастый парнишка в зелёных шортах и сиреневой рубашке догнал кудрявую девчонку и деловито огрел по спине портфелем.

Девчонка взвизгнула:

– Змея очковая!

– Савин! – заволновалась Светлана Валерьяновна. – Игорь, иди сюда! Ты опять?

Белобрысый Игорь Савин подошёл, не теряя достоинства.

– Игорь, когда это кончится?

Савин вежливо наклонил набок голову. – На выпускном вечере в десятом классе, – разъяснил он. – Там я отлуплю её последний раз.

– Кто кого ещё... – издалека подала голос девчонка.

– Сил у меня нет, – сказала классная руководительница

Славкиной маме.— Они дерутся с первого класса.

— Мы не дерёмся, — возразил Савин. — В первом и втором классе она лупила меня. А теперь я её. Это не драка.

— Вы решили при новичке и его маме продемонстрировать всё, на что способны...

Савин внимательно посмотрел сквозь очки на Славку, повернулся к Славкиной маме и сказал ей «здрасьте». Мама заулыбалась. Видимо, несмотря ни на что, она угадала в Савине интеллигентного и воспитанного мальчика.

— Что вы с Любой опять не поделили? — горестно спросила учительница у Игоря.

— Она объективно вредна для человечества, — авторитетно сообщил Савин. — Своим ехидством она доводит людей до стрессового состояния.

— Глиста, — отчётливо проговорила в отдалении вредная для человечества Люба (кстати, внешне вполне симпатичная).

— Потапенко! С ума сойти... Убирайтесь оба... И чтобы ничего подобного больше не было! Игорь, ты можешь, наконец, это обещать?

Игорь дипломатично шевельнул плечом: он не хотел давать опрометчивых обещаний. Он только сказал «до свидания».

Мама смеялась:

— Славные ребята...

Светлана Валерьяновна неожиданно согласилась:

– Хорошие, Иногда дурачатся, а вообще неплохой класс.

– Я так довольна, что мы попали к вам. Директор сначала не хотел записывать, потому что Славик не учился раньше в «английской» школе, но я объяснила, что сама с ним занималась.

– А у нас в любой школе неплохо. Знаете, с разными там проблемами «трудных детей», вопросами дисциплины и всякими подобными вещами особых сложностей нет... У нас, Елена Юрьевна, другое горе...

Светлана Валерьяновна замолчала и слегка ссутулилась. Потом сказала:

– Три дня назад опять вот... Вы не слышали? Андрейка Илюхин. Я его знала немного, он раньше в нашей школе учился.

– Господи... – прошептала мама. – Что же случилось?

– Война... – Светлана Валерьяновна слегка развела руками, будто оправдывалась. – Сколько лет прошло, а вот... Земля-то была нашпигована этим ужасом: снаряды, мины. До сих пор нет-нет да и откопают... Уж говорим, говорим ребятам, лекции читаем, плакаты развешиваем, а всё равно... В прошлом году гранатой шестиклассника искалечило, а нынче... Нашли что-то, в костёр положили. Трое теперь в больнице, а самый старший, четвероклассник... Один был у родителей. Отец в море, даже прилететь не смог. Мать вся седая...

Славка увидел, что мама смотрит на него отчаянными гла-

зами.

– Расстроила я вас, – негромко сказала Светлана Валерьяновна. – Только я это не ради пустого разговора. Славе... Тебя ведь Славой зовут? Тебе это надо знать, ты здесь новичок. Если попадётся на глаза хоть какая-то подозрительная железка...

– Он не тронет! – громко сказала мама. – Он мне поклянётся! Слышишь?

Славка хмуро кивнул. Разве он не понимает? Но зачем пугаться так, будто он уже нашёл противотанковую мину и играет ею в футбол...

Потом, когда шли из школы, Славка много раз дал маме всякие клятвы, что нигде, никогда, ни с кем... Ни при каких обстоятельствах! Даже пальчиком не коснётся, если увидит что-нибудь *такое*. И будет бежать, как от бешеной собаки.

Он это повторял, но думал не про себя. С ним-то ничего не случится. А почему погиб незнакомый Андрейка? Что его толкнуло совать в огонь свою находку?

Какая-то тоскливая жалость появилась у Славки. Будто давно хотел он встретить этого Андрейку здесь, в Городе, и не успел...

Но Город же не виноват! Он не сам родил в своей земле взрывчатку. По нему стреляли...

– Славка, ты меня не слушаешь!

– Слушаю. Мама! Я уже сто раз дал самое честное слово!

– Всё равно, – устало проговорила мама. – Теперь это бу-

дет моим вечным страхом.

Не хотел Славка для мамы вечного страха. Он сказал рас-судительно и ласково:

– Ты же совершенно зря боишься. Здесь столько тысяч ребят, а случилось это... ну, всего несколько раз. Наверно, под машину и то чаще попадают.

– Ещё не хватает, чтобы ты попал под машину!

– Да, – вздохнул Славка. – Кроме того, я могу поскольз-нуться на арбузной корке, подавиться косточкой от абрико-са, отравиться старой колбасой. Что ещё? Да! Стукнуться го-ловой о батарею, упасть с лестницы, насмерть простудить-ся...

– И получить от меня по загривку.

– Как неинтеллигентно, – сказал Славка. – Мама, пойдём купаться! Я не захлебнусь, не разобьюсь, не уйду на дно. Пойдём, ты же обещала!

Мама вдруг взяла его да локоть и принялась звонко хло-пать сзади по штанам. Славка изумился так, что и сказать нельзя.

– Это что? Новый метод воспитания?

– Метод! Все брюки перепачкал извёсткой, когда сидел на заборе... Кстати, пора бы знать, что неприлично сидеть при взрослых, если они разговаривают стоя.

– А вы бы тоже садились на забор, – сказал Славка.

Они посмеялись, хотя и не очень весело. Потом ещё неко-торое время шли они задумчивые. Но море было рядом, а

день стоял такой хороший...

– Почему ты не познакомился с ребятами? – спросила мама.

Славка даже замигал.

– Как это?

– Очень просто. Подошёл бы и сказал: «Здравствуйте, меня зовут Слава. Я буду учиться с вами».

Славка только вздохнул.

Знакомство – дело непростое и долгое. Четвёртый день учится Славка в этом классе, а не всех ещё знает. Даже по именам не всех запомнил... Или всех – уже?

Он решил проверить и глянул вперёд, вдоль своего ряда. На первой парте – Галка Ракитина и Юра Конев, потом Костя Головин и Дима Неходов. Кажется, хорошие ребята. На третьей парте Оксана Байчик и Лена Смирнова. Это ещё не ясно, что за люди...

Зато с четвёртой партией ясно всё: здесь сам Вячеслав Семибратов и быстроглазый, стриженный ёжиком Женя Аверкин...

Женька словно ждал, когда о нём вспомнят: легонько задел Славкину ногу коленом. Он улыбался жалобно и виновато. Украдкой показал Славке раскрытую ладонь.

На Женькиной смуглой ладошке были написаны две лиловые буквы: НС.

Славка даже вздрогнул: «Новэмбэр Чарли»!

Он скосил глаза в Женькину тетрадь. Ну и ну! Бедный

Женечка барахтался в числах, как утопающий телёнок среди плавающих льдин. А кому хочется хватать двойку, да ещё за первую в году самостоятельную работу?

Что у него за уравнение? Почти как у Славки, только числа другие, потому что другой вариант. Но как помочь? Яков Павлович вроде бы и добрый, а следит строго, особенно за последними партами. За шпаргалку, не моргнувши, вкатит Аверкину два очка, да и Славке заодно переправит оценочку.

Славка поднял руку.

– Яков Павлыч, можно выйти?

– Сделай одолжение. Можешь даже не возвращаться, с тобой у нас дела на сегодня кончены.

– Да нет, я на минуточку! – испугался Славка.

Он мигнул Аверкину: «Не бойся». И выскочил в коридор. И тут же обругал себя балдой. Ручку-то не взял! А в коридоре, как назло, – ни души.

Женька страдает и ждёт. Положение действительно «НС»: урок скоро кончится. Внизу уже весело голосит малышня: первоклассников часто отпускают минут за пять до звонка.

Славка помчался на первый этаж. Первоклашки носились по коридору и толпились у выхода. На коричневых ногах-стебельках, в пёстрых неформенных рубашках, с разноцветными ранцами, они были похожи на какие-то растеньица, сбежавшие с грядок и газонов.

Славка не умел обращаться с представителями младшего

школьного возраста, но сейчас выхода не было. Он быстро глянул: кого бы остановить? Вдоль стены гарцевал верхом на швабре, взятой напрокат у технички тёти Лизы, пацанёнок в клетчатой рубашонке. На спине у него подпрыгивал зелёный ранец, украшенный Винни-Пухом из мультфильма.

– Эй, наездник!

Мальчишка сделал разворот и подскакал. Глянул на Славку бесстрашно и весело.

– Хорошая у меня лошадка?

– Хорошая, – торопливо сказал Славка. – Послушай, выручи, пожалуйста. У тебя есть ручка? Лучше, бы шариковая...

– У меня всякие есть!

Он с радостной готовностью скинул ранец и вытащил из него толстый пучок фломастеров, карандашей и авторучек, стянутый резинкой.

– Выбирай. Тебе насовсем?

– Мне на минуточку. Спасибо, Наездник...

...Через три минуты Славка смирно сидел в классе, с интересом смотрел в окно и показывал Женьке из-за локтя ладонь с мелкими фиолетовыми цифрами. Аверкин радостно шпарил в тетради строчку за строчкой. Потом благодарно опустил ресницы.

Весело затренькал звонок.

Наездник

Славка вместе с Аверкиным вышел в коридор.

– Спас ты меня, – сказал Женька. – Прямо за уши вытянул.

Он вытащил из кармана мятый, но довольно чистый платок. Начал стирать с ладони буквы, спохватился, отдал платок Славке:

– Вытри руку.

Славка попробовал, но без успеха: чернильные иксы, плюсы и минусы въелись в кожу.

– Всухую не оттереть...

– А ты помусоль. Вот так... – Женька смешно полизал растопыренную ладошку. Потом, видя, что Славка опять возится с платком, торопливо вытер ладонь об острую поцарапанную коленку. Коленка сделалась лиловой.

– Ну вот, покрасился, – с упрёком сказал Славка. – Нет, я потерплю до дома. Целое уравнение мне всё равно не съесть.

Женька с задумчиво-огорчённым видом разглядывал на ладони размазанный «сигнал бедствия».

– А почему ты SOS не написал? – спросил Славка.

– SOS все понимают. Яков Павлыч, если бы заметил, дал бы такой SOS! А это... – он помахал рукой с растёртыми буквами, – мало кто знает.

– Жень... А как ты догадался, что я это пойму?

Женька заулыбался:

– Я у тебя в портфеле красный справочник видел. Ну и подумал: если у человека такая книжка, он знает, наверно...

Славка опасливо глянул на Аверкина: не увидел ли Женька в портфеле кое-что ещё? Вернее, кое-кого. На самом дне, под учебниками. Но Аверкин улыбался бесхитростно.

– Ты откуда знаешь свод сигналов? Занимался? – спросил Славка.

– Немного. Я в этом году в детскую флотилию хочу пойти, в группу рулевых-сигнальщиков... Туда с двойками не берут, вот я и засигналил тебе...

– А где такая флотилия? – заволновался Славка.

– На Пушкинской, над Малой бухтой. Недалеко.

– Там парусная секция есть?

– Не знаю. Но я спрошу сегодня, если хочешь.

– Хочу, – сказал Славка. – Ещё бы... Ты не забудь, спроси. Ладно?

Они вышли на крыльцо, и сразу – тр-р-р-р: словно кто-то прочертил мелом пунктир через площадь! Это в своих белых сандаликах радостно мчался к ним Наездник.

– Привет! Ну что, помогла моя ручка? – Помогла, – сказал Славка. И объяснил Женьке: – Я его ручкой твоё уравнение писал. Свою-то забыл.

– Целая бригада меня спасала, – вздохнул Женька. – Даже неудобно...

Наездник переступил с ноги на ногу и осторожно потянул

Славку за рукав.

– Что тебе? – спросил Славка.

Мальчишка встал на цыпочки и осторожно прошептал:

– Прокати меня... пожалуйста...

– Как это прокати?

– На плечах. Я люблю кататься.

Славка слегка обалдел от такого простодушного нахальства:

– Ничего себе заявочка!

Но он помнил про авторучку и понимал, что нельзя быть неблагодарным. Вообще-то, если разобраться, катать Наездника должен Аверкин, но как-то неловко торговаться.

– А далеко тебя везти?

– Не-е... До лестницы и назад! – Ну, давай...

Славка присел. Наездник прямо с крыльца ловко перебрался ему на шею. Он оказался лёгонький, словно кости у него были трубчатые, как у птиц.

– Ты держи меня, – предупредил он.

– Ещё и держи его... – проворчал Славка и ухватил Наездника за бока. – Ноги убери, ты мне каблуками рубашку изводишь.

Наездник послушно вытянул вперёд ноги в жёлтых гольфах и белых сандаликах.

Женька смотрел на Славку и Наездника с весёлым интересом.

Славка трусцой пересёк площадь туда и обратно и ссадил

пассажира на каменный парапет крыльца.

– Спасибо, – с достоинством сказал Наездник.

– На здоровье...

Наездник ускакал к приятелям, которые резвились под деревьями. А на крыльце Славка увидел ребят из своего класса. И среди них Любку Потапенко.

– Кони сытые бьют копытами... – пропела Любка.

У Славки запылали уши. Ну что он за несчастный человек? Неужели и здесь ему не прожить без дразнилок и прозвищ?

Но Женька Аверкин поспешно и сердито сказал:

– Тебя, Любушка, уже сунуло не в своё дело! Прокатил человека – ну и что такого?

А Игорь Савин разъяснил:

– Конь – животное благородное. Ехидна же – вымирающий вид. Она осталась с тех времён, когда на земле жили тупоголовые плезиозавры и всякие другие ископаемые.

– Жаль, что охраняется законом, – вздохнул Аверкин.

А Костя Головин сказал Любке:

– Не бойся, на тебе никто не поедет. Кому охота потом из штанов ядовитые колючки вытаскивать?

Любка сказала, что все мальчишки дураки, и ушла. Ребята разбежались. Только Славка с Женькой задержались на крыльце. Стояли и смотрели, как резвится Наездник. Первоклассники побросали в кучу ранцы и прыгали друг через друга. Что-то вроде чехарды устроили. Наездник прыгал лег-

ко и красиво, но всё время оглядывался на Славку. Скакнёт – и посмотрит...

«Знаем мы это дело...» – подумал Славка и поторопил Аверкина:

– Пошли.

Но Женька помотал головой и сел на ступень. Положил на колени плоский твердый портфель. Глянул на хитрого Наездника, на Славку и сказал:

– Да прокати ты его ещё немножко. Осчастливь человека. Наездник замер и насторожил уши. Женька засмеялся.

– Ты что! – возмутился Славка. – Он привыкнет и совсем с меня не слезет!

– Ну, разок... – попросил Женька.

– Тебе-то зачем?

– Ну, пожалуйста, – как-то слишком серьёзно сказал Женька.

Славка повернулся к Наезднику:

– Иди сюда, подарок судьбы! Свалился ты на мою голову...

Он обвёз радостного Наездника вокруг площади, а когда вернулся, увидел, что Женька делает в альбоме рисунок. На рисунке – Славка и Наездник во время скачки.

Это был очень лёгкий, быстрый набросок. Лица – едва намечены. Но всё равно можно было узнать коня и всадника (по крайней мере, Наездника Славка сразу узнал).

Наездник заглянул в альбом и сообщил:

– Я тоже рисовать умею.

– В твоём возрасте все умеют рисовать, – сказал Женька.

– Ага, – согласился Наездник и опять умчался.

– Жень, подари картинку, – попросил Славка.

Женька молча выдернул из альбома и протянул листок.

Потом снизу вверх внимательно посмотрел на Славку.

– Слушай-ка, а я догадался! Вы братья, да?

– С чего ты взял? – изумился Славка. – Я его сегодня первый раз в жизни увидел.

– А похожи...

– Мы? Да брось ты... – начал Славка и тут же понял: в самом деле есть сходство.

У Наездника были прямые, очень светлые волосы. Они ровно разбегались во все стороны от макушки, как меридианы от полюса. А на «полюсе» торчала мягкая кисточка.

У Славки была такая же причёска (если можно это назвать причёской), только волосы потемнее и, кажется, пожёстче.

Мама сама стригла Славку: подрезала отросшие прядки на лбу, на висках, на затылке. Славкина кисточка на темени ей нравилась. Мама иногда ласково дёргала её и называла Славку «Кисточка ты моя». Если без посторонних, это было даже приятно. И всё же Славка срезал бы волосяной пучок без жалости, если бы не боялся, что получится лысинка. Потому что малышам, вроде Наездника, такие кисточки на макушке, может быть, подходят, но одиннадцатилетним мальчишкам героического вида они не придают.

Впрочем, Славка никогда не старался походить на героя. Ни видом, ни делами. Быть бы не хуже других. Но и это не всегда получалось...

Славка и Аверкин спустились на Морскую и распрощались у лестницы.

Славка оглянулся. Наездник спускался следом. Он был не один, по бокам шли две первоклассницы. Славка даже загляделся: как Наездник идёт! Плечи откинул назад, кончики пальцев сунул в кармашки, прорезанные у пояса, локти развёл по сторонам и ступает, будто фея по головкам одуванчиков. Снисходительно беседует с девочками. Повернёт к одной голову, скажет слово, улыбнётся. Потом на другую так же глянет. А они с него не сводят глаз, даже спотыкаются.

Неужели Славка в семь лет был такой же? Нет. С виду, может быть, и похожий, а характером совсем другой.

Бриг «Меркурий»

Когда Славка был маленьким и жил в Невьянске, он ходил с мамой на работу. Мама заведовала библиотекой в заводском клубе, руководила самодеятельным театром и вела кружок английского языка. Дел у неё было «выше головы», а Славка проводил время в полуподвальной большой комнате, где стоял бильярд.

В бильярд играли с утра до вечера. Славка забирался на высокий подоконник и часами смотрел, как по сукну мечутся с костяным стуком жёлтые шары.

Мама просто стонала:

– Неужели тебе здесь лучше, чем в детском саду?

Славка кивал. Он был ненормальный ребёнок. Он не любил детский сад и жутко скучал там. До обеда кое-как терпел, а когда наступало время тихого часа, впадал в отчаянье. При мысли, что надо укладываться спать в большущей комнате, где совсем не так, как дома, и где ничего не напоминает о маме, на Славку наваливалась чёрная тоска.

Дома было лучше. В своей комнате Славка мог просидеть в одиночку целый день и не соскучиться. Но приходил сосед Юрка Зырянов. Он был старше Славки, закончил первый класс и делал всё, что хотел. Развинчивал Славкины игрушки, лазил в холодильник за вареньем (Славка даже сам этого не делал!) и маминой губной помадой рисовал на зеркале

чёртиков и крокодилов. А если Славка запирался и не пускал, грозил отлупить во дворе.

Однажды Славка не выдержал. Он вежливо попросил Юркину маму поговорить с сыном, чтобы тот вёл себя посдержаннее.

Тётя Зина выслушала Славку внимательно, потому что знала: Славик Семибратов – хороший, воспитанный мальчик, никогда не хулиганит и не врёт. Она покивала:

– Эт-та что ж... Эт-та правильно. Я с ним поговорю.

Разговор состоялся через несколько минут. Славка гулял во дворе и слышал каждое слово, потому что окно в тётки Зининой комнате было открыто.

– Юрий! А ну иди ближе, паразит! Иди, иди! Эт-та что, я бегать за тобой буду? Кому говорят!

Потом послышалась короткая возня, и вдруг раздался вопль:

– Мамочка, я не буду!

Славка от ужаса скорчился за кадушкой у водосточной трубы.

– Не буду, мамочка, прости, не надо больше! Ой-я, прости, не буду! – верещал Юрка. Потом он на несколько секунд умолк: видно, кончилось дыхание. И тогда в нестерпимой тишине слышны стали сухие частые щелчки. Они были равномерные и неумолимые, как тиканье больших часов, которые не остановить.

– Ой-я-я, не надо, больно же!! – опять взорвался криком

Юрка. Захлебнулся, и вопли его превратились в тонкий визг. Это был режущий, вибрирующий визг, словно в горле у Юрки, как в милицейском свистке, прыгал маленький шарик.

Славка, приседая, убежал в дальний угол двора и зарылся в лопухи. Он зарылся бы в землю, если бы мог! Он сидел там до вечера. Стояла глухая тишина, и Славке всё чудилось в ней громкое беспощадное щёлканье...

Он же не хотел такого ужаса! Ему надо было только, чтобы Юрка оставил его в покое!

Юрка его не оставил. На другой день он поймал Славку на детской площадке, надавал пинков и подзатыльников, накормил мокрым песком. Славка молча отплёвывался и даже не защищался, только закрывал глаза. Смотреть на Юрку было нестерпимо стыдно.

С той поры он ни дня не оставался дома. С утра до вечера торчал в бильярдной. Мама приходила в отчаянье: Славка дышал прокуренным воздухом, Славка слушал неподходящие разговоры. Славка мог простудиться на подоконнике, потому что от окна дуло.

Мама не знала, что, следя за игрой, Славка почти не дышал, разговоров не слышал и холода не чувствовал. И не видел людей. Только шары. Движение жёлтых шаров завораживало Славку. В этом движении были строгие законы, разгадывание которых приносило радость. Он научился безошибочно чувствовать, куда и как разбегутся шары, ударившись друг о друга.

Может быть, поэтому Славка легко угадывал и другое: куда отскочит брошенный в забор камень, как взлетит под напором ветра воздушный змей, куда ляжет сорвавшийся с дерева лист и попадёт ли в цель стрела, пущенная из самодельного лука. Всё подчинялось законам инерции, скольжения и рикошета, законам жёлтых шаров.

И когда Славка в школе познакомился с наукой математикой, цифры и числа в задачах тоже показались ему жёлтыми шарами.

Но это было потом. А тогда в клубе Славку невозможно было стащить с насиженного места на подоконнике. Редкие часы, когда бильярдная пустовала, были для Славки тоскливыми часами. Он сидел, сиротливо съёжившись, и уныло глядел на лиловое суконное поле. По сторонам почти не смотрел. Поэтому лишь случайно и далеко не в первый день он заметил на тускло-зелёной стене картину.

Обычно картина висела в тени, а в тот раз на неё падали лучи. На картине было лунное море. Сама луна скрывалась за светлыми облаками, но её лучи пронизывали воздух и рассыпали свет по высоким волнам. Среди волн шёл двухмачтовый парусник. Несмотря на волны, он шёл ровно и спокойно. У него были сплошь дырявые паруса, и сквозь них виднелось небо, но всё равно он шёл уверенно.

В этих рваных и гордых парусах, в этой уверенности маленького судна была загадка. Какая-то заманчивость и притягательная сила. Была в лунном беспокойном просторе му-

зыка – совсем непохожая на строгую ударную музыку костяных шаров.

Славка молча привёл за руку слегка испуганную маму и только тогда шёпотом спросил:

– Это что?

– Это бриг «Меркурий». Копия картины художника Айвазовского. Что тебя испугало?

Славка досадливо поморщился. Его ничего не испугало. Просто он не хотел говорить громко, когда рядом тайна.

– Почему рваные паруса?

– Кажется, после боя. Это наш русский корабль, он сражался с турецкими кораблями. Их было много, а он один, но он победил.

– Где он сражался?

– На Чёрном море... Славка, я не помню точно, я же не историк.

– Что такое «бриг»?

– Ты же сам видишь – корабль...

– Нет, почему он «бриг»?

– Ты меня уморишь, – сказала мама.

Она не понимала! У Славки отозвалось в душе звучание когда-то слышанных и забытых морских слов: «Бриг... брег... регата... фрегат... навигатор...» Это были слова про одно и то же. Про что-то загадочное, связанное с этим лунным морем.

А где их разгадка?

– Ну почему «бриг»? – повторил он, потому что не умел сказать иначе о своей непонятной тревоге.

Мама вздохнула.

Она повела Славку к себе в библиотеку. Там, на задних полках, она отыскала две старые книги, которые назывались «Морской словарь».

– Если хочешь, читай и разбирайся. Не маленький уже, через месяц в школу.

Она объяснила ему, как искать по буквам нужные слова.

Слово «бриг» Славка нашёл быстро. Вот что было написано:

«БРИГ (Brig). Двухмачтовое судно с прямым вооружением, но имеющее гафель на гроте. Б. становятся очень редкими судами, т.к. бригантины и шхуны вытеснили их...»

Почти ничего Славка не понял. Но незнакомые корабельные слова опять отозвались в нём как странная зовущая музыка. Вроде вступления к фильму «Дети капитана Гранта», который Славка любил до безумия. И он стал искать букву «Г»; нужно было узнать, что такое «гафель» и «грот»...

С того дня Славка почти позабыл про бильярд. Он ушёл в чтение словаря, как уходит в дальнее плавание – надолго и без оглядки...

Но через месяц словарь пришлось отдать: мама устраивалась на другую работу, и ей без этих книг не подписали бы какой-то обходной лист.

Славка будто с лучшим другом распрощался. Тогда мама,

чтобы утешить его, достала где-то книгу «Корабли и бастионы». Подарила Славке.

В этой книге было про всё! Про бриг «Меркурий», про адмирала Нахимова, про Синопское сражение, про неприступные морские крепости, про искусных парусных капитанов. И про город, в который возвращались после побед линейные корабли, фрегаты и брига.

Это был город, куда русские моряки приходили с палуб для последнего отчаянного боя. И в прошлом веке, и в этом...

Город, где стоял памятник капитану брига «Меркурий»...

Книгу Славка прочитал десять раз и сто раз – её последние слова:

«Отшумела война, и опять заросли непобедимыми травами бастионы.

Может быть, теперь навсегда? Может быть... Над бухтами висел безоблачный полдень. Два человека шли вдоль зелёных брустверов, на которых чернели давно умолкнувшие карронады, мимо старых памятников, по извилистым лестницам, сложенным из брусьев ракушечника. А по холмам раскинулся Город, который они любили больше жизни...»

Два человека – это старый морской офицер и его десятилетний внук.

Всё на свете, кроме мамы, отдал бы Славка, чтобы оказаться на месте этого мальчишки...

Книга эта была лучше всех, которые знал Славка. Но она

не заменила морской словарь. Она только рассказывала о кораблях, а словарь был сам как частичка кораблей, частичка того далёкого Города.

...Однажды Славка с мамой зашёл в районную библиотеку. Там работала Василиса Георгиевна – старушка в больших, как иллюминаторы крейсера, очках. Это было уже в Первозаводске. Славка учился тогда во втором классе. Мама и Василиса Георгиевна разговаривали, а Славка разглядывал книги. Ходил он от стеллажа к стеллажу. И вдруг увидел полочку с надписью: «Тому, кто хочет стать военным».

А на полке среди разных учебников и уставов стояла красная книжечка со звёздочкой и якорьком. «Справочник вахтенного офицера»!

Зачем она здесь, за тысячи миль от моря?

Славка начал листать. Многие были совсем непонятно и скучно: чертежи, схемы, какие-то правила. Но потом... Потом пошли морские узлы, курсы и галсы парусных судов, корабельные огни! А главное – флаги Международного свода сигналов! О такой таблице Славка целый год мечтал!

Он хотел поскорее попросить книгу у Василисы Георгиевны. Хотел... и не попросил. Испугался: «А вдруг скажет: нельзя, ты здесь не записан». Или решит, что Славка слишком маленький для такой книжки. А если и даст, то не насовсем же. Потом опять прощаться, как со словарём?

Что случилось со Славкой? Может быть, «морская болезнь» совсем помутила ему мозги? Он оглянулся. Никого

рядом не было. Он тихо расстегнул ранец...

И началась у Славки странная жизнь: она состояла из радости и страха.

Пока он изучал флаги Свода, пока разбирался в морских узлах, про всё забывал. Но когда закрывал «Справочник», сразу вспоминал, какое ужасное совершил дело.

Он прятал книгу то под подушку, то за шкаф, то внутрь дивана. Так часто и старательно её перепрятывал, что мама увидела и спросила:

– Откуда у тебя «Справочник»?

Славка, наверно, стал краснее, чем корочка книги. И сказал, что дал почитать один мальчик.

Мама удивилась. Она знала, что друзей у Славки в школе нет. В классе его дразнили непонятным, но обидным словом «Изюмчик» и считали слабачком, потому что он боялся давать сдачи пристававшим.

– Странно, – сказала мама.

Она полистала «Справочник» и увидела библиотечный штамп.

– Почему здесь печать?

Славка пробормотал, что, наверно, мальчик взял почитать книгу в библиотеке.

– Что-то не нравится мне твоё заиканье, – сказала мама. – Ты правду говоришь?

Славка прошептал, что правду.

– А ну-ка дай честное морское слово, – потребовала мама.

Это был коварный приём. Что Славка мог ответить? Дать такое слово? Ноне самый же последний человек он на свете! Тогда признаться? Легко сказать...

И Славка заревел. Тут же всё и выяснилось.

Ух как ему влетело! Конечно, мама его не лупила, как тётя Зина Юрку, но ругала с такой силой, что волосы дыбом и дым из ушей. Славка просто булькал от слёз и умолял маму, чтобы она поскорее отнесла «Справочник» в библиотеку.

Но мама не отнесла. Она отправила туда Славку и объявила, что не будет ему прощенья и пощады, пока он не расскажет всё Василисе Георгиевне и не вернёт ей книгу собственноручно.

Что делать. Славка побрёл. С полчаса он всхлипывал перед дверью библиотеки. Наконец Василиса Георгиевна за чем-то вышла и увидела его.

Давясь от стыда, Славка признался в своём чёрном деле. И разумеется, опять пустил слезу.

Маленькая, седая, очень добрая на вид Василиса Георгиевна не пожалела Славку. Она разговаривала с ним сурово. Потому что если человек в восемь лет украдкой тащит домой казённые книги, добром этот человек не кончит! Что сказал бы Валерик Семибратов, Славкин папа, если бы он был жив? Валерик Семибратов ходил в эту библиотеку девять лет подряд и ни разу не то что не украл, а даже не порвал ни одной книжки. А сын? Стыд и срам! Бедная Славкина мама... Пусть Славка поставит на место «Справочник»

и уходит, потому что больше им разговаривать не о чем... А если он захочет когда-нибудь в жизни ещё раз украсть книгу или что-то другое, пусть вспомнит этот кошмарный день.

Но когда Славка прошептал «до свиданья» и поплёлся к двери, Василиса Георгиевна спросила чуть помягче:

– А скажи на милость, зачем тебе эта взрослая книга?

Славка остановился и молчал.

– Я тебя спрашиваю, Вячеслав Семибратов. Зачем?

– Интересно... – еле слышно сказал Славка.

– Что интересно?

– Про корабли...

– Ну ладно... Раз тебе так интересно и раз ты признался, можно поступить следующим образом: я отдам тебе «Справочник», а ты принесёшь взамен какую-нибудь другую книгу. Согласен?

Славке было невыносимо стыдно, но отказаться тоже никаких сил не было. Чтобы теперь всё сделалось по-честному, он принёс в библиотеку «Маугли». После «Кораблей и бастионов» это была самая любимая книга.

Большая, с цветными вкладками.

– Мама разрешила? – строго спросила Василиса Георгиевна. (Славка кивнул.) – А не жалко?

Славка даже засопел от жалости, но сказал:

– У нас есть, маленькая. На английском языке.

– А ты умеешь читать по-английски?

– Немножко... А ещё мама читает...

Через день Василиса Георгиевна, вернула книгу маме, потому что «Справочник» всё равно был не нужен: его собирались списывать в макулатуру. Но Славка узнал об этом лишь через полгода. А до той поры, если очень хотелось вспомнить о приключениях лесного мальчишки, они с мамой читали по-английски. И Славка хорошо понимал. Наверно, потому, что всё в этой книжке было уже знакомо.

Они с мамой часто читали вдвоём. И в кино ходили вдвоём. И в лес. И картошку чистили, и посуду мыли, и чемоданы укладывали, когда переезжали. Всё вдвоём. Они вообще были вдвоём на свете. Только где-то далеко, в южном городе Новочеркасске, жила двоюродная бабушка – тётка Славкиного отца. Мама и Славка никогда её не видели. Но время от времени, обычно к праздникам, от бабушки Веры Анатольевны приходили письма. Мама отвечала и однажды послала даже фотографию: свою и Славки.

После этого Вера Анатольевна стала писать чаще, спрашивать про Славку и звала их с мамой в гости. Но мама говорила, что это, наверно, из вежливости.

Потом... Славка даже не поверил сначала! Бабушка написала, что поменялась домами с какими-то знакомыми и переехала в город, где родилась и жила до войны. К морю она переехала! Туда, где были корабли и бастионы, где на мачтах трепетали разноцветные флаги Свода сигналов, которые Славка знал теперь наизусть.

Она переехала в тот самый Город!

Славка решился. Крупными буквами он написал письмо и сам кинул в ящик. Это была просьба о чуде.

«Здравствуйте, бабушка Вера Анатольевна! Я никогда не видел моря и кораблей. Пожалуйста, ещё раз посильнее позовите нас с мамой в гости. Тогда мама согласится. Пожалуйста!»

И Вера Анатольевна позвала:

«Приезжайте со Славикой хоть в гости, хоть насовсем. Дом большой, прописку я оформлю, потому что я ветеран войны и мне помогут. Жить у нас хорошо, а вместе будет всем веселее...»

– Поедем! – возликовал Славка.

Но мама засмеялась:

– Глупенький! В незнакомые края, к незнакомому человеку...

– Но она же зовёт!

– Видишь ли, Славик... Она человек старый и, кажется, больной. У неё дом. Она думает, наверно, что я стану помогать ей по хозяйству. А разве я похожа на домохозяйку? На бабушку в фартуке?

Нет, мама не была похожа на домашнюю хозяйку. Она была молодая, стройная, красивая. Многие люди говорили Славке: «Какая у тебя красивая мама». Будто Славка сам этого не знал!

Но почему же всё-таки не поехать? Если маме некогда, он сам будет помогать бабушке. А может быть, и помогать

нечего. Скорее всего, Вере Анатольевне просто скучно жить одной.

– Она же зовёт!

– Позвать легко. А кто мне найдёт там работу по специальности? А если мы с бабушкой не сойдёмся характерами? Она хозяйка в доме, а я не привыкла быть квартиранткой... Да и хватит уж нам мотаться с места на место.

Славка тихо и умоляюще сказал:

– Ну, тогда хоть в гости...

– Это другое дело. Если будут деньги и летний отпуск, можно поехать.

Разговор был в марте. Ждать оставалось три месяца. Сначала Славка очень ждал и очень надеялся. А потом всё меньше. Потому что это было бы слишком большое чудо. Таких чудес просто не бывает.

И он оказался прав. Мама не поладила с начальством и уволилась, денег на дальние поездки не было. Когда Славка окончил второй класс, они переехали в Покровку.

Анюта

Покровка – это не деревня, а небольшой город рядом с большим заводом. Мама там нашла наконец интересную работу: устроилась консультантом-переводчиком в технической библиотеке. Славку тоже устроила: на лето – в городской лагерь (где он скучал), а потом – в третий класс маленькой восьмилетней школы...

В третьем классе Славке жилось спокойно – его почти не дразнили и не обижали. Правда, и друзей не нашлось, но Славку это в те времена ещё не волновало. Главное – что? Отсидеть уроки, сделать побыстрее домашние задания – и бултых на тахту с хорошей книжкой. Или можно побежать к маме в библиотеку. Там всегда много журналов из всяких стран, а в журналах часто попадаются снимки с разными теплоходами и даже парусными кораблями. И с видами дальних приморских городов...

Бабушка Вера Анатольевна по-прежнему писала письма. Спрашивала «про Славушку» и звала хотя бы в гости. Мама говорила, что будущим летом они поедут обязательно.

В апреле Славку приняли в пионеры и даже выбрали звеньевым – за то, что учился без троек. В конце мая завком выделил маме однокомнатную квартиру, и они переехали туда из тесной комнатухи в старом доме, где коридоры пропахли горелым луком и кислой капустой.

А в начале каникул у Славки за один день случилось три радости.

Во-первых, мама купила ему джинсовый костюм. Вообще-то мама не одобряла этой моды: она считала, что интеллигентные мальчишки гораздо лучше выглядят в коротких штанишках. Но Славка её долго упрашивал. Мама уступила, потому что школьную форму Славка истрепал, а дни стояли прохладные.

На костюме была нашивка с корабликом и медные морские пуговицы. Не совсем такие, как у настоящих моряков, но всё равно блестящие и с якорями. Славка млел от счастья.

В этом костюме он пошёл с мамой в гости к её знакомому – Константину Константиновичу. Это была вторая радость.

У Константина Константиновича оказалось интересно, как в музее. Над дверью висели большущие лосиные рога, в углу – чучело ястреба, на стене – оленья шкура, а на шкуре – большой бинокль, тяжёлый охотничий нож и двуствольное ружьё «зауэр».

Константин Константинович сказал, что ружьё старое, но прекрасное. И очень ценное – штучной работы. Но хотя оно было ценное, Константин Константинович вставил в него пустые гильзы и дал Славке два раза щёлкнуть курком. И посмотреть в бинокль, конечно, тоже дал (жаль, что бинокль был полевой, а не морской). И даже разрешил поиграть ножом, хотя мама боялась, что Славка «останется без пальцев».

Мало того! Они с Константином Константиновичем грох-

нули на кухне охотничьим капсюлем! Тут мама чуть не потеряла сознание и строго попросила «не портить ребёнка».

– Хорошо, хорошо, – сказал Константин Константинович. – Это был последний эксперимент. Вообще-то, Слава, мама права: такими вещами не шутят. В этих штуках гремучая ртуть, а она очень капризная. Сто лет может лежать, а потом взрывается от одного чиха.

Славка серьёзно кивнул. Константину Константиновичу можно было верить. Он был опытный и смелый человек: охотник, путешественник и спортсмен. Он стрелял на соревнованиях по летающим мишеням – тарелочкам – и за это получал грамоты и медали.

Славке казалось, что Константин Константинович похож на английского морского капитана из книжки с рассказами Джозефа Конрада. Высокий, худой, с ровным пробором на гладкой причёске, с белозубой улыбкой и светлыми глазами. Только смеялся он не по-капитански: дребезжаще и нерешительно. И при этом сильно стискивал пальцы, словно пробовал их на излом. Но, может быть, это оттого, что он стеснялся мамы. Славка замечал, что многие мужчины при маме начинают смущаться и слегка глупеют...

После чая Константин Константинович предложил Славке и маме погулять. И они втроём отправились в парк.

Славка раньше не бывал в этом конце Покровки. Весь прошлый год он жил в своём квартале и других мест почти не знал. Он слышал, что рядом с Покровкой есть озеро, но

думал, что оно вроде пруда в Первозаводске. А озеро оказалось громадное.

Славка метнулся к берегу.

Вода уходила почти до горизонта! А у дощатой пристани качался большой белый катер и поднимались настоящие мачты!

Но и это не всё. В сотне метров от берега летели над серой водой похожие на белые сабли паруса.

Славка припаялся к месту. Напрасно мама и Константин Константинович звали его на карусель, в тир и в комнату смеха. Он молча мотал головой. А потом отчаянно сказал:

– Мама, ну вы идите. Вы гуляйте, а потом придёте за мной. Я не полезу к воде, не свалюсь. Не утону! Я никуда не уйду... Ну, пожалуйста!

Мама хотела заспорить, но Константин Константинович взял её под руку и подмигнул Славке. Он был замечательный человек.

Едва они ушли, Славка подбежал к пирсу. Но ступить на него не решился. Наверное, это разрешалось лишь тем счастливым, которые ходили под парусами.

Маленькая яхта, лихо кренясь, прошла у самого берега. Её вели двое мальчишек в оранжевых спасательных жилетах. Мальчишкам было лет по тринадцати. Славка начал дышать медленно и с дрожью. А яхта уходила, и было слышно, как смеются ребята...

Кто-то тяжело остановился рядом. Славка посмотрел. Это

был коренастый дядька с густой светлой бородой. Он спросил:

– Ты откуда, прекрасное дитя?

Славка осип:

– Я... Смотрю. Здесь можно стоять?

– Стой, – сказал бородач.

Яхта сделала поворот и опять пошла к берегу.

– А здесь... – сказал Славка совсем шепотом. – Здесь с какого класса записывают?

Бородатый дядька задумчиво посмотрел на Славку сверху. Провёл толстым пальцем по его морским пуговкам, будто пересчитал. Потом поднял голову.

– Анюта! – крикнул он в пространство.

Славка вздрогнул от громкого голоса. В этот миг он не знал, конечно, что случилась у него сегодня третья радость.

– Анюта! – крикнул бородатый.

Из-за сарайчика появилась большая девчонка. Странная какая-то: квадратная, с японскими глазами, большим ртом и носом-картошкой. С тёмной мальчишеской чёлкой.

– Чего надо? – поинтересовалась она.

– Вот, человек пришёл, – не очень решительно сказал бородатый. – Может, возьмёшь? Воспитаешь – матросом будет...

Анюта посмотрела на Славку, потом на бородатого, потом опять на Славку. Затем – куда-то между ними. И сказала:

– Это называется «дай вам боже, что нам негоже».

– Ну, Анюта, – приглушённо сказал бородатый. – Человек сохнет. Посмотри в его страдальческие очи. Он целый час торчит у пирса как пришитый.

– Он сбежит через неделю, – заявила Анюта, рассеянно глядя в дальние дали.

– Не сбегу я, честное слово, – сипло поклялся Славка.

– Пошли, – сказала Анюта, взяла Славку за плечо и повела на пирс.

На пирсе стояли фанерные тупоносые яхточки с удивительно высокими мачтами. А одна такая же, покачивалась рядом, на воде. Она была белая, недавно покрашенная, но на плоском носу краска оказалась уже содранной. Полоскали поднятые паруса. На главном парусе была пришита чёрная буква «С» и цифры «2021».

– Моя, – хмуро сказала Анюта. – Международный класс «кадет». Монотип. Имя – «Трэмп». По-английски значит «Бродяга».

– Я знаю, – торопливо сообщил Славка.

Анюта покосилась на него и продолжала:

– Два паруса. Большой называется «грот», маленький...

– Стаксель! Я знаю.

– Я смотрю, всё ты знаешь, – заметила Анюта.

У Славки запылали уши.

Анюта сказала: – Сейчас пойдём... Вылезай из клёшей и куртки. А то кильнёмся – и булькнешь на дно, как кот в авоське.

Послушно и суетливо Славка выбрался из костюма. И сразу задрожал – то ли от озноба, то ли от волнения. Анютаглянула на него – тощенького, покрытого пупырышками, – сердито хмыкнула:

– Подарок судьбы... Комариная личинка на морозе. Плавать-то хоть умеешь?

– Я в бассейне занимался.

– Знаю я эти бассейны... Где я на тебя жилет возьму? По-дожди...

Она принесла откуда-то надутый резиновый круг и продела в него Славку.

Славка знал, что с такими кругами плавают на пляжном мелководе малыши, но не стал обижаться и спорить. Главное, что сейчас он пойдёт под парусами. По правде! Не во сне!

– Будешь работать на стакселе, – сказала Анюта. – Вон те верёвки называются стаксель-шкоты.

– Я з... – Славка прикусил язык и, кажется, стал пунцовым, как его спасательный круг. Вытянул руки по швам и тихонько сказал: – Есть...

День был пасмурный, и плотный ветерок от облачного горизонта нагонял волну. Яхточка, отвалив от пирса, подскочила на гребне.

Славка вцепился в борт.

– Шкот возьми! – прикрикнула Анюта.

Второй гребень ударил в фанерную скулу и окатил Славку

брызгами. Брызги оказались неожиданно тёплыми. И Славка на всю жизнь запомнил первое приветствие встречной волны...

Они мотались по озеру больше часа. Иногда «Трэмп» крепился так, что почти ложился парусом на воду. Анюта сидела на борту и время от времени лихо откидывалась назад. Сейчас она совсем не казалась неуклюжей, ловкая была и быстрая.

Иногда она хитро поглядывала на Славку.

– Страшно?

– Нисколько, – говорил Славка.

– А если ляжем?

– Не ляжем.

– Откуда ты знаешь?

Славка пожимал мокрыми плечами. Он не мог объяснить. Просто у него внутри словно был маятник, отмечавший границу опасного крена. И опять вспомнились жёлтые шары...

– А если всё-таки ляжем, Комарик?

– Ну и что? – говорил Славка, и ему становилось жутковато, но не от страха, а от азарта и счастья.

– Поворот!

Как управляться со стаксель-шкотами, Славка понял быстро.

– Есть поворот!

...При полном ветре они подлетели к пирсу. Мокрый и счастливый, как тысяча именинников, Славка со швартовым

концом в руках выскочил на доски. Подошёл бородатый тренер. Посмотрел на Анюту:

– Ну?

– Лады, – сказала Анята.

А Славка увидел, как по пирсу бежит перепуганная мама.

Он отчаянно боялся, что мама не разрешит заниматься в парусной секции. Она всегда так за него тревожилась! Но мама разрешила. Может быть, для того, чтобы Славка не огорчался из-за сорванной поездки к Вере Анатольевне. Поездка опять не получилась, потому что все деньги ушли на обстановку новой квартиры.

– Занимайся, плавай, – сказала мама и вздохнула: – Это лучше, чем всё лето слоняться без дела.

И Славка не слонялся. Почти каждый день он с утра бегал на озеро. Было на спортивной базе какое-то расписание занятий, но Славка не обращал на него внимания. Когда появлялась Анята, они спускали на воду «Трэмп» и начиналось счастье. Когда Аняты не было. Славка всё равно не скучал. Помогал спускать яхты, варить обед на самодельной печке и штопать старенькие флаги Свода сигналов. Эти флаги развешивали над базой во время праздников и соревнований.

Секция парусников была маленькая: пять «кадетов» и семь «финнов» – гоночных яхт-одинок. Занималось полтора десятка взрослых и десятков ребят. Славка был самый младший, а маленькому среди больших всегда живётся неплохо...

Славка приходил домой вечером. В первые дни мама волновалась, но понемногу привыкла. Бывало, что Славка заставлял у них дома Константина Константиновича. Мама при этом почему-то притворялась строгой, а Константин Константинович становился особенно бодрым и разговорчивым. Славка про себя снисходительно улыбался. Он прекрасно понимал, что взрослые мужчина и женщина могут понравиться друг другу. Могут даже влюбиться. С этим ничего не поделаешь. Но Славка не тревожился. Он знал, что мама всегда останется мамой и никогда не будет любить его меньше, чем сейчас.

Они втроём пили чай, потом Славка брал книжку и лез в постель. Гудели усталые ноги, горели от солнца плечи, и сладко ныли натёртые шкотами ладони. Буквы начинали бегать по книжным страницам, как муравьи.

Засыпая, Славка слышал, как Константин Константинович рассказывает о приключениях на охоте, о поездках за границу и о встречах со знаменитыми артистами. Он и сам раньше был артистом, а потом работал администратором концертных бригад и жил в больших городах. В Покровку его занесли «странные жизненные обстоятельства»...

Однажды Славка увидел дома большую компанию незнакомых гостей. Было шумно, звенели рюмки. Когда мама торопливо целовала Славку, он почувствовал, что от неё пахнет вином. Славка слегка испугался.

Мама кормила его на кухне и как-то скомканно объясня-

ла, что у Константина Константиновича день рождения, а в комнате у него ремонт...

Славка молчал, он не любил, когда обманывали...

Хотя, конечно, обманы бывают разные. На Анюту Славка не обиделся, когда она выкинула с ним шуточку.

Один раз шли к базе от острова Лазурит, и Анюта вдруг скорчилась, а японские глаза её сделались круглыми.

– Комарик, задай стаксель-шкот на утку. Бери гика-шкот и руль. Я не могу.

– Что с тобой?

– Кажется, приступ. Давно надо было аппендикс вырезать...

Славка перехватил управление. Крепко дуло с левого борта, шла боковая волна, приходилось сильно откренивать. Но Славка (может быть, с перепугу) лихо подогнал яхту к пирсу, молниеносно ошвартовался по всем правилам корабельной науки и завопил:

– Виктор Семёнович, вызывайте «скорую», у Аньки аппендицит!

Тогда завопила и Анюта:

– Молчи, балда, я же пошутила!

– Зачем? – опешил Славка.

– Чтобы посмотреть, как ты справишься без меня.

Славка помолчал и заплакал.

Анюта удивилась. Подолом тельняшки принялась вытирать Славке лицо.

– Ты чего, Комарик? Обиделся, что ли?

– При чем тут «обиделся»? Страшно же...

– Чего страшно? Ты, хорошо управляешься.

– Дура, – сказал Славка. – Я из-за этого разве? Я думал, вдруг не успею. Если сильный приступ, может быть... этот... перитонит... От него же умереть можно.

Она виновата засопела, а Славка продолжал тихонько реветь.

– Перестань, – попросила Аня.

– Дореву и перестану, – сердито сказал Славка.

Анюты он давно уже не стеснялся. Всё равно она знала, что за человек Славка Семибратов: где он хорош, а где так себе. Притворяться перед ней героем было бесполезно. Поэтому Славка без смущения визжал, когда Анька мазала ему зелёной ссадины, не скрывал, что боится нырять с трёхметровой вышки (всё равно ведь нырял!), и даже доверял кое-какие тайны.

Рассказал, например, об Артёмке.

– Тащи его к нам, – велела Аня.

С тех пор Артёмка плавал на носу «Трэмп»...

А в августе всё это кончилось. Сразу, в одну неделю. Сначала уехала в Пермь Аня. Она подала заявление на какие-то курсы, чтобы стать корабельным радистом и плавать по рекам и морям.

– Крику дома было! «Десятый класс не кончила, куда-то срываешься!» А я всё равно... На аттестат я в вечерней шко-

ле сдам.

– А я как? – шёпотом спросил Славка.

– Ну, Комарик... Ты чего? Я тебе писать буду... Ты в том году сам станешь рулевым!

Через несколько дней после Анюткиного отъезда закрыли спортивную базу. То есть не совсем закрыли, а соединили с большим заводским яхт-клубом, но клуб этот находился в двадцати километрах, на другом озере. Славка понимал, что в такую даль он ездить не сможет.

Бородатый Виктор Семёнович грустно объяснил Славке, что в парке решено строить красивую набережную, а их дощатый домик и пирсы снести, потому что они портят пейзаж.

– Кому она нужна, эта набережная!

– Нас с тобой, Славка, не спросили. Ничего не поделаешь, это форс-мажор.

– Что?

– Иначе говоря, действие непреодолимой силы. Есть такое морское понятие. Это когда стихия сильнее и люди уже ничего не могут сделать.

– Но здесь же не стихия!

– Всё равно форс-мажор, Славка. Обстоятельства сильнее нас.

«А кто теперь будет ходить на „Трэмпе“?» – хотел спросить Славка, но не смог. Он стиснул зубы, вытащил из кладовой два флага и поднял их на сигнальной мачте.

Один флаг был сине-белый, в шахматную клетку. Он

означал букву «N» и назывался «Новэмбэр». Второй состоял из пяти полос: по краям синие, потом белые, а посередине красная. Он соответствовал букве «С» и носил имя «Чарли». Когда их поднимают вместе, получается сигнал NS. Это значит, что люди израсходовали силы и, если не будет помощи, корабль пойдёт ко дну.

Виктор Семёнович увидел флаги и взъерошил большой ладонью Славкины волосы.

– Не поможет это нам, мой капитан. Да и бедствия особого нет.

Только у нас двоих неприятность: ты без плаваний останешься, а я из начальства пойду в рядовые тренеры...

Славка и сам понимал, что ничего уже не поможет. И флаги поднял просто так. В знак протеста, что ли...

– Ладно, переживём как-нибудь, – утешил его Виктор Семёнович.

Но переживать было трудно. Славка горевал. И как раз в один из этих дней, мама сказала:

– Если уж так получилось, не переехать ли нам в Усть-Каменск? – Зачем? – Большой город... Театры, музеи. Окончишь школу – под боком институты.

Нужны были Славке эти институты, как в днище дырка. А никакой мореходки в сухопутном Усть-Каменске, конечно, нет.

Но мама продолжала уговаривать.

Славка грубовато сказал:

– Кому мы там нужны...

Мама очень смутилась:

– Видишь ли... Туда переехал Константин Константинович. Он работает в филармонии... Ну и... Я давно хотела с тобой побеседовать... Короче говоря...

– Короче говоря, он сделал тебе предложение, – снисходительно сказал Славка.

Бабушка Вера Анатольевна

В Усть-Каменске перед первым сентября мама купила Славке новый портфель. Вместо потрёпанного ранца. Портфель был большой, коричневый, с двумя блестящими замками и кожаной пряжкой посередине.

– Смотри, – смеясь, говорила мама, – у портфеля лицо. Замки – как два глаза, а пряжка вместо носа. Похоже?

Славка слегка улыбнулся: похоже.

– Выразительная физиономия, – продолжала мама. – Мне кажется, она будет говорить о твоих успехах. Если всё хорошо – будет весёлая. Если чего-нибудь натворишь или получишь двойку – тоже всё на ней отразится. Так что лучше не скрывай свои грехи.

Славка пожал плечами. После истории со «Справочником вахтенного офицера», которая случилась давным-давно, он ничего никогда от мамы не скрывал. Вернее, почти ничего. Бывали, конечно, редкие случаи, когда он помалкивал. Например, о том, как они с Анютой во время крепкого шквала перевернулись посреди озера и бултыхались в волнах минут пятнадцать, пока не подлетел на взмыленной моторке перепуганный Виктор Семёнович... Славка не болтал об этом, чтобы маме не почудилось, что он был на краю гибели.

А про оценки и про школьные дела он всегда рассказывал. Тем более что и скрывать было нечего.

Но всё же мамины слова про лицо портфеля он запомнил. Казалось иногда, что портфель поглядывает на хозяина с усмешкой и даже пренебрежительно. Это могла заметить и мама. И Славка привык ставить портфель носом к стенке.

Он не щадил портфель. Ездил на нём с ледяной горки, пинал, когда были горькие минуты, и два раза дрался им с врагами. Кроме того, он провертел внизу дырку, чтобы живущий в портфеле Артёмка не сидел в полной тьме и мог хоть одним глазочком глянуть на белый свет.

Через год портфель выглядел так, словно его раскопали в древнем кургане.

В этом году, когда Славка первый раз собрался в новую школу, бабушка Вера Анатольевна осторожно сказала:

– Какой он у тебя, Славушка... подержанный. Хочешь, я тебе новый куплю?

– Спасибо, Вера Анатольевна, я к нему привык.

Он и в самом деле привязался к портфелю, хотя сначала его не любил.

Вера Анатольевна вздохнула:

– Ну, привык так привык...

И отошла.

Она всегда так: скажет что-нибудь, повздыхает и отойдёт. Или захочет его по голове погладить и руку на полпути остановит. Славку это, по правде говоря, слегка раздражало. И ещё раздражало, как она жуёт губами, прежде чем сказать что-нибудь. Или начнёт что-то искать в своём шкафчике и

копошится, звенит многочисленными пузырьками с лекарствами. А ты стой и жди...

Но Славка ни разу не выдал своего раздражения. Он чувствовал, что Вера Анатольевна его любит. Только это была какая-то осторожная любовь, издалека. Словно бабушка боялась, что Славка огрызнётся на ласку.

В доме у Веры Анатольевны были две большие комнаты с побеленными стенами и несколько закутков и комнатушек. Мебель стояла старая, и её было мало. Главным образом, кровати. Вера Анатольевна летом сдавала комнаты отдыхающим.

– Ведь не ради денег, Леночка, – рассказывала она как-то маме. – Скучно одной... А теперь вы приехали, вот у меня и праздник.

Мама вежливо поцеловала её в коричневую щёку. А Вера Анатольевна нерешительно улыбнулась и сказала:

– Умру когда, всё вам и останется...

Славка увидел, как маме это не понравилось. Ему тоже. Что они, за наследством сюда приехали? Но Вера Анатольевна торопливо добавила:

– Ты только не обижайся, Леночка, вы ведь у меня одни...

Славка знал от мамы, что муж Веры Анатольевны был директором школы в Новочеркасске и умер пятнадцать лет назад. Давным-давно была ещё маленькая дочь, но она погибла под бомбёжкой в первые дни войны.

Конечно, невесело жить одной...

В тот день, когда Славка получил пятёрку по математике, он вернулся домой в самом лучшем настроении. Мамы не было: она ушла договариваться насчёт работы. Славка решил, пока её нет, оборудовать свой угол. Он жил в комнатухе с одним окном и хотел сделать её похожей на каюту.

Когда он здесь поселился, Вера Анатольевна сказала:

– Не тесно тебе, Славушка? В угловой комнате попросторнее...

– Нет, спасибо. Вера Анатольевна, здесь хорошо.

– Ну, хорошо так хорошо... – Она повздохала и принесла из сарайчика обшарпанную, но прочную этажерку.

Узкий, будто корабельная койка, диван, столик, этажерка, вешалка за дверью – что ещё надо?

А сегодня по дороге из школы Славка купил в книжном магазине большую карту мира. Она могла закрыть всю стену над диваном.

– Вера Анатольевна, можно, я её повешу? – Да что ты спрашиваешь... Твоя комната, делай как хочешь. Говорил бы ты мне, Славушка, «баба Вера». Не чужие ведь...

– Хорошо... баба Вера. А молоток у вас есть? И гвоздики...

Он прибил карту, а потом, над столиком, рисунок Женьки Аверкина. Тут Вера Анатольевна позвала его обедать. Пока Славка жевал котлету и глотал компот, она всё поглядывала на него издалека. Потом сказала:

– Всё не пойму, похож ты на своего папу или нет... Иногда

вроде бы совсем такой же, а иногда – непохожий.

Славка вытряхивал в рот прямо из стакана компотные ягоды (что, разумеется, никогда не должны позволять себе воспитанные дети). Он прожевал их и сообщил:

– Мама говорит, что я ни на кого не похож. Все в роду тёмные были, а я русский.

– Папа твой тоже светленький был...

– Да что вы, Вера Ан... ой, баба Вера... У нас же карточки есть. У него тёмные волосы! И мама говорила...

– Мама-то его не видела маленького. А у меня есть фотография. Хочешь взглянуть?

– Спасибо. Хочу, конечно.

Они пошли в комнату, и баба Вера опять долго звенела пузырьками в шкафу, из которой пахло лекарствами. Достала картонную коробку. В ней лежали вперемешку разные снимки.

– Вот он, Валерик... Папа твой. Сколько уж прошло-то? Двадцать пять лет почти... Это когда мама его уже болела, и он у меня жил.

Славка даже замигал. На лужайке среди пушистых одуванчиков и солнца стоял мальчишка лет восьми с велосипедом «Школьник». С прямыми светлыми волосами и кисточкой на макушке. В сбившейся на животе клетчатой рубашке. Он смотрел весело и смело. В глазах – блестящие точки.

– Наездник, – шёпотом сказал Славка.

– И верно, наездник, – согласилась баба Вера. – Всю жизнь

за рулём. Вот и... А что ни говори – похож.

Не может быть, что столько лет прошло! Снимок будто вчера сделали. Прочный, блестящий, без всякой желтизны. И чёткий-чёткий. Каждое семечко видно на одуванчиках, каждый узорчик на шинах велосипеда. А у мальчишки – каждый волосок. И царапинка на лбу. И крошечная родинка под левой коленкой – такая же, как у Славки. И даже видны прожилки в радужной оболочке глаз, обращённых прямо на Славку.

«Это папа... – мысленно сказал Славка. – Па-па...» Он словно пробовал на вес это слово. Он его так редко говорил.

Кому скажешь?

Но и этому мальчишке не скажешь. Это просто Валерка Семибратов. Похожий на Наездника пацанёнок, не знающий, что у него будет когда-то сын Славка.

Или... знающий всё-таки?

«Ты кто?»

«Я... Славка... Твой сын».

«Вот это да! А не врёшь?»

«Хоть кого спроси...»

«Интересно... А какой ты, сын?»

«Я... я не знаю...»

«А кто знает? Пушкин? Чего ты молчишь?»

«А чего говорить?»

«Какой ты? Смелый?»

«Ну...»

«Что ну? Говори по правде».

«Если по правде, всякое бывает».

«Эх ты, „всякое“...»

«Ладно! И ты сейчас не герой... Может, ты верещишь, когда тебе мажут йодом царапины, и боишься оставаться в тёмной комнате, как я, когда был восьмилетним... И вообще не очень задавайся. А то завтра заканючишь „прокати“, а получишь фигу».

«Ты, Славка, не путай. Катаешь ты не меня. Время дружное...»

Неужели правда двадцать пять лет прошло? И нет мальчишки, который прямо сейчас глядит на Славку живыми глазами... Вообще нет. Даже взрослого, который из этого мальчишки вырос...

– Ты, Славушка, что шепчешь?

– Я?... Так просто. Баба Вера, вы не убирайте эту карточку, ладно? Я потом ещё посмотрю... А это кто?

– Это я.

Вот здорово! На снимке с отломанным уголком была молодая женщина в коротком бушлате, в чёрном берете со звёздочкой, с брезентовой сумкой через плечо. А рядом – двое матросов с автоматами. Автоматы старого образца – с большими дисками.

– Вы в морской пехоте воевали, баба Вера?

– Да нет, Славушка. Разве я воевала?... Не говори мне «вы» ради бога... Это они воевали. – Баба Вера показала на мат-

росов. — А я фельдшером была, в медсанбатах да в госпитале.

— Но всё равно же на войне. Вы... ты же рисковала?

— Это, конечно, случилось. Под обстрелами сколько раз была. И под бомбёжками, когда раненых вывозили...

— Баба Вера... Страшно, да?.

— Да нет, Славушка... Как Ниночку убило, мне уж ничего не страшно сделалось. Думала: пускай со мной хоть что... Боли только боялась. Я какая-то чудная была: чьи-то раны обрабатываю, перевязываю, а сама будто их боль чувствую. Потом сколько лет в больницах проработала, а так и не при-
выкла...

— Баба Вера, а ты это где снялась? Ты в этом городе на войне была?

— Нет, отсюда я ещё до войны уехала... А это на Дунае, в сорок четвёртом.

— У тебя... наверно, медали есть?

— Есть. Орден даже. Красная Звезда... Это как раз дали после того, как фотографию сделали. Ранило ещё тогда...

Она улыбнулась, и на лице её сбежалась частая сетка морщин.

— Ты, Славушка, не думай, что я из-за старости хромаю и лекарства пью. Не такая уж я ещё старуха. Это во мне кое-где железо сидит. Правда, самую малость...

Славка подвинулся к ней и щекой коснулся её рукава. Чуть-чуть.

— Баба Вера... ты не обижайся на меня.

– Славущка, да ты что, мой хороший? За что обижаться?

Он вздохнул:

– Мало ли... Есть за что.

Она притянула Славку, прижала к своей шерстяной кофте. От кофты пахло лекарствами, кухонным дымом и горькой сухой травой – той же, что пахло в каждой комнате этого дома.

Когда вернулась мама, она удивилась до невозможности. И обрадовалась: Славка, одетый в драный тренировочный костюм, самоотверженно драил в комнатах полы. Вера Анатольевна жалобно уговаривала перестать или хотя бы отдохнуть.

А вечером, когда баба Вера собралась в магазин за крупой и солью, Славка сказал:

– Всё ты да ты. Давай схожу. Маленький я, что ли?

– Ты и так устал. С полом намучился, уроки делал...

– Не намучился я. Мне всё равно гулять надо. Мне нравится.

Он правду говорил. Для него было радостью ходить по улицам Города.

Боль

Из магазина Славка не пошёл знакомой улицей. Гораздо интересней выбирать новые дороги. Славка наугад свернул в переулок с маленькими белыми домами и большими деревьями.

У деревьев были крупные листья – по пять на одном корешке. Их края уже задела сентябрьская желтизна. Среди листьев качались колючие зелёные шарики.

Деревья назывались «каштаны». Шарики тоже назывались «каштаны». Если с шарика содрать колючую кожуру, под ней окажется ядро – твёрдое, как деревяшка. Это и есть по-настоящему каштан. Говорят, их как-то жарят и едят. Спросить надо бабу Веру...

Крупный шарик с длинными шипами словно услышал Славкины мысли. Он лопнул у Славки на глазах, и лаковый коричневый орех запрыгал по ракушечным плитам: лови меня и жарь.

Славка даже ойкнул. Потом засмеялся и кинулся за каштаном.

И запнулся. За край каменной плиты.

Недаром говорят, что запинаться левой ногой – к несчастью. Славка грохнулся так, что, кажется, звон пошёл над улицей. И не только грохнулся, а ещё проехался по ракушечнику. Сумка улетела вперёд, из неё выкатился пакет с солью.

Славка полежал, приходя в себя. Поднялся, постанывая. Боль раскатывалась по нему колючими тяжёлыми клубками. Славке показалось, что они похожи на неочищенные каштаны, только не на зелёные, а на багрово-красные. Славка рукавом вытер глаза, подобрал и уложил соль. Потом присел на краешек тротуара, прислушался, где и что особенно болит.

Сильнее всего болела левая нога. Но хуже было другое: штанина оказалась распластанной от калена до самого низа. Видимо, зацепилась за острый угол плиты. На ноге Славка увидел длинную кровавую царапину.

Но царапина – что? Заживёт. А брюки...

«Ой, мамочка...» – сокрушённо подумал Славка.

И словно эхо отозвалось на улице:

– Ой, мамочка, не надо! Больше не буду! Пустите!

Славку будто прижало к тротуару. Издалека, из давних недобрых времён, прилетел этот крик.

– Ой, мамочка, не надо! Больно!

Да что же это? Неужели здесь может быть *такое* ?!

Славка вскочил.

На другой стороне улицы крепкая женщина в розовом брючном костюме вела за ухо толстого мальчишку лет девяти. Он неуклюже пританцовывал на ходу и верещал.

Собственная боль придала Славке смелости. Он бросился через дорогу. Порванная штанина захлопала по ноге.

– Вы что! – закричал Славка. – Не надо!

Женщина остановилась и отпустила мальчишку. Он от-

скочил к забору и взялся за ухо. Женщина повернулась к Славке.

– Чего не надо? Ты откуда такой заступник?

Славка почувствовал, как вся его решимость испаряется.

Но сказал:

– Ему же больно...

Женщина визгливо крикнула:

– Больно?! Ещё не так надо! Ещё штаны снять да хворостиной!..

Славку снова толкнула злость. Он вспомнил мать Юрки Зырянова. И сказал сипловато, но храбро:

– Это никто не имеет права, даже родители. За это можно и в милицию...

Он вдруг увидел, что глаза у женщины налились слезами.

– Да? – сказала она тонким голосом. – В милицию? – И неожиданно

заплакала, шумно хлюпая носом и фыркая. – А если у него рук-ног не останется, тогда в какую милицию? Кого поведут?

Славка совсем растерялся. Он готов был, что она заругается, даже стукнуть попробует, а тут – вон что.

– Легко грозить-то! – причитала тётка. – Все заступники, все храбрые. Вам всё игрушки, а матерям да отцам потом слёзы на всю жизнь!

Качая высокой крашеной причёской, она пошла от Славки, но потом обернулась и плачущим голосом закричала с новой силой:

– От Андрюшки Илюхина что осталось? Матери и посмотреть не дали! Гроб заколотили, а что там, никто не знает! А вам что в лоб, что по лбу!.. Обожди, матери всё равно скажу! Она тебе покажет, как патроны ковырять! Она тебе ремнём поковыряет!

Последние слова были уже не для Славки, а для толстого мальчишки. Прокричав их, женщина ещё раз громко шмыгнула носом и зашагала вдоль забора. Скрылась в ближней калитке.

Славка проводил её взглядом и посмотрел на мальчишку. Тот всё ещё держался за ухо. Лицо у него оставалось злым, но на Славку он глянул виновато и смущённо. Это был толстый неуклюжий мальчишка, но глаза у него были хорошие: большие, тёмно-коричневые. Славка их разглядел, хотя уже наползали сумерки. В глазах у мальчишки всё ещё блестели слёзы.

Славка хмуро спросил:

– Что за патрон ты расковыривал? Голова-то у тебя есть?

– Да он пустой же, – отозвался мальчишка. – Ржавая гильза от зенитки, я её в Сухой балке нашёл. Ничего я не расковыривал, а только чистил. Хотел из неё автомат сделать...

– Бывает, что гильза пустая, а капсюль в ней целый. В нём гремучая ртуть, – сказал Славка. – Она может сто лет лежать, а потом взрывается от одного чиха. Я это... в книжке про сапёров читал.

– Там капсюль выстреленный, – возразил мальчишка. –

В нём ямка... Я чистить начал, а эта дура как подскочит! Прямо на улице... Гильзу куда-то кинула, а меня за ухо...

– Наверно, она не со зла, – сказал Славка. – Просто перепугалась. Вон, даже заплакала...

– А она всегда такая, то ругается, то ревёт. Я её давно знаю, это наша соседка.

– Я сперва думал, что это твоя мама...

– Ты что! – возмущённо сказал мальчишка. – Мама никогда не дерётся... Откуда ты взял, что это мама моя?

– Ну... ты же сам кричал: «Мамочка!»

Мальчишка вздохнул и со взрослой серьёзностью ответил: – Что же ещё кричать, если больно...

Они помолчали.

– У тебя брючина порвалась, – неловко сказал мальчишка. Будто Славка сам не знал!

Мальчишка вдруг, предложил: – Хочешь, пойдём ко мне? Мама зашьёт.

– Нет уж, – вздохнул Славка. – У меня своя мама есть.

И, хромая, он зашагал домой, хотя свидание с мамой на этот раз не обещало ему радости.

Когда Славка вернулся, бабы Веры не было дома: видимо, ушла к соседям. А мама была. И конечно, нервничала. Она спросила, где Славка изволил болтаться столько времени.

Славка шагнул на свет и с сокрушённым видом встал посреди комнаты: чтобы мама сразу увидела порванную штанину.

Мама сказала неприятным голосом: – Миленький сюр-призик.

– Я же не нарочно, – буркнул Славка.

– Если человек спокойно идёт по улице, брюки у него не рвутся.

– Я запнулся.

– Ты выглядишь так, будто не запнулся, а побывал в хорошей свалке. И дышишь, как после драки.

– Потому что... Там к мальчишке приставали...

Мама посмотрела недоверчиво:

– И ты полез заступаться?

– Что же было делать, – скромно сказал Славка. Он сразу почувствовал, что вопрос о брюках теряет опасную остроту.

– И сколько их было, этих... обидчиков?

Славка смутился.

– Одна... К нему соседка привязалась, такая здоровая тётка. Он кричит на всю улицу, а она... за ухо тащит.

Мама слегка встревожилась:

– Но, надеюсь, ты не грубил этой женщине

Славка дипломатично пожал плечами. – Она его отпустила и ушла куда-то...

Мама покачала головой.

– Никогда не думала, что ты способен вмешиваться в уличные скандалы. У тебя переменился характер... Жаль.

– Что жаль? Значит, пускай уши отрывает? – Я не про то. Жаль, что я не знала заранее. Купила бы не только рубашку,

но и брюки. Хотя, конечно, денег в обрез...

– Разве нельзя зашить эти?

Мама нагнулась.

– Ну где же... Если бы по шву, а то вон как разодрал. Да и машинка у Веры Анатольевны не работает... А это что? Так. – Она увидела царапину.

– Чепуха, – поспешно сказал Славка.

– Открой тумбочку, принеси йод.

– Ну, мама...

– Стыд какой! В пятом классе, а боится йода, как детсадовский ребёнок.

– Лучше уж зелёнкой, она не так щиплет.

– Йод испарится, а зелёнка липучая и долго не смывается. Или ваше сиятельство намерено ходить размалёванным на потеху публике?

У Славки тоскливо засосало под желудком. Горестно вздыхая, Славка по плечи забрался в самые недра тумбочки. Маму он понял сразу.

Мама каждый день спрашивала, почему он жарится в шерстяных брюках и не хочет носить шорты. Лёгкая одежда – это так эстетично и полезно для здоровья!

– Не понимаю твоего упрямства, – огорчалась она. – Ходят же в шортах твои одноклассники.

– Всего три человека...

– Я уверена, что они – самые умные. Почему тебе не быть четвёртым?

Славка в ответ неопределённо бормотал. После прошлогоднего скандала с Юркой Зыряновым и завучем Ангелиной ходить в коротких штанах он стеснялся. Во время каникул ещё туда-сюда. Но в школу... Здесьним ребятам хорошо, они привыкли, а ему всё кажется, что найдётся какой-нибудь тип вроде Зырянова и поднимет злорадный крик... Но признаться в таком своём страхе Славка тоже стеснялся и отговаривался как умел.

Однако завтра не отговоришься. Не идти же в школу в измочаленных джинсах с кожаной заплатой на заду или в продранных на коленях «трениках»...

Сумрачно размышляя о неотвратимости судьбы, Славка вернулся к маме с коричневым пузырьком.

– Садись и давай ногу, – велела мама. – Убедительная просьба не пищать и не дёргаться.

– Не буду я дёргаться, – хмуро сказал Славка. Он вспомнил, как верещал на улице толстый мальчишка. Не хватало ещё и ему, Славке, так же завопить.

Ватка в маминых пальцах набухла почти чёрным йодом. Р-раз! – от колена до щиколотки прошла по царапине коричневая полоса. Славка часто задышал, но даже не зажмурился.

– Больно?

– Больно, – сказал Славка. – Но наплевать.

– Зачем выражаться так энергично? Впрочем, если, как ты говоришь, «наплевать», давай для верности ещё раз. Ма-

ло ли какие тут микробы...

Мама примерилась, чтобы снова смазать царапину. Но тут, спасая Славку, звякнул в коридоре колокольчик. От него к рычажку на калитке тянулась проволока.

– Я открою, – поспешно сказал Славка и выскочил во двор.

Он думал, что вернулась баба Вера. Но это была не она.

Пожилой почтальон принёс телеграмму. Попросил расписаться. И опять у Славки тоскливо засосало внутри: при жидком свете уличного фонаря он разобрал на бумажной полоске печатные буквы: «УСТЬ-КАМЕНСК...»

Телеграмма была маме. Не Славке. Ни в коем случае не имел он права совать в неё нос. Однако такой жгучей сделалась тревога, что Славка остановился под яркой лампочкой у крыльца. Воровато отогнул край телеграфного бланка.

Все строчки прочитать он не сумел, но подпись увидел...

Славка молча отдал маме телеграмму, ушёл в свою комнатушку и залез в постель.

Было ещё рано, и спать не хотелось. Но Славка выключил свет и натянул на голову простыню. В душной темноте завертелись, запрыгали беспокойные мысли.

Гремучая ртуть

Когда улетали из Усть-Каменска, Славка поверил, что всё, точка. Прошрое не вернётся. Но миновала неделя – и вот, телеграмма. Будто бесконечно длинная злая рука протянулась за Славкой и за мамой.

Славка съёжился под простынёй. Хочешь не хочешь, а лезли в голову воспоминания об Усть-Каменске.

... Там были спокойными лишь первые дни. А когда Славка пришёл в школу, сразу стало ясно: хорошей жизни не будет. В том же классе, в четвёртом «А», оказался Юрка Зырянов. Они с тётёй Зиной переехали в Усть-Каменок ещё давно. В каком-то классе, во втором или третьем, Юрка посидел два года, и теперь они со Славкой сравнивались.

Юрка узнал Славку сразу:

– Семибратик-семицветик, мамина кисточка! Какое счастье... – Он обвёл красным языком тонкие губы, словно облизнулся от удовольствия. – Смотри-ка, в адмиралы записался! Здравия желаю, ваше превосходительство!

У Славки на школьную курточку были перешиты пуговики от джинсового костюма.

Из-за этих пуговиц Юрка больше всего издевался над Славкой. И Юркины дружки издевались. Сколько прозвищ они Славке надавали! Хватило бы на весь морской флот.

И если бы только прозвища! И подножки, и щипки вся-

кие, и рисунки на доске. И ухмылки из всех углов...

Надо было сразу дать им в ответ как следует! Славка боялся сначала. Но если у тебя за душой паруса, нельзя бояться до бесконечности.

Однажды на перемене Славку взорвало, как гремучую ртуть! Он, всхлипывая от ярости, кинулся на Юрку. Того загородили дружки.

– Шкура... – сказал Славка Зырянову. – Один на один душонки не хватает?

Юрка ухмыльнулся:

– В школе драться нехорошо, нельзя учителей расстраивать. После уроков – наше вам, пожалуйста. За гаражами.

И Славка пришёл за гаражи. Он трусил отчаянно и всё же пришёл. Потому что не было выхода. Но едва он встал против ненавистного Зырянова, как отовсюду слетелась Юркина компания. Славку закатали в сухой бурьян, зажали рот, набили в волосы репёв, надавали пинков и разбежались, хоча и подвывая.

Славка на целые сутки будто закаменел от ненависти. А на другой день в начале первого урока молча врезал Юрке по физиономии тяжёлой коробкой с акварелью. Но драки опять не случилось. Случилось классное собрание, на котором долго ругали Славку, а классная руководительница предложила снять с него на месяц пионерский галстук. Галстук не сняли (попробовали бы только!). Вмешалась вожатая и объяснила, что делать этого нельзя. Кроме того, она сказа-

ла, что Юра Зырянов тоже виноват. Семибратов – новичок, и Зырянову с товарищами следовало поскорее приобщить его к коллективу.

Юрка скромно кивал и соглашался. Он был подлый. Видимо тётки Зинино воспитание приучило его к изворотливости. Он сказал, что прощает Славку за утренний случай (вот гад!), а после собрания опять подкараулил его с друзьями...

Про эти дела наконец узнала мама.

– Почему у тебя в каждой школе истории?

– Не в каждой...

– Срежь ты в конце концов эти пуговицы, если из-за них столько несчастий!

Славка не срезал. Потому что это была память об озере и «Трэмпе». Потому что, если срежет – значит, совсем струсил. Потому что, если срежет – Юрка обрадуется, а потом найдёт другую причину для насмешек.

– Разве в пуговицах дело... – сказал Славка маме.

– Дели в том, что ты не умеешь ладить с другими мальчиками. Учительница говорит, что ты ведёшь себя вызывающе. Не хочешь найти с классом общий язык.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.